

— Ты чем там занимаешься?

Лу Цяо обернулся, посмотрел на него, но, вопреки обыкновению, не бросился сразу в объятия. Он лишь захлопал своими большими глазами и с самым серьезным видом спросил:

— Господин, а как вы поступаете, когда встречаете кого-то очень раздражающего и неприятного?

Это что же, на чаепитии ему попался кто-то настолько невыносимый, что теперь приходится изучать правовые программы, чтобы удержаться и не пырнуть его ножом?

— Разве ты не говорил, что тебе было весело?

— Весело-то весело, чаепитие было отличным, но жизнь ведь не ограничивается одними чаепитиями.

Похоже, его сильно задели, раз он начал нести такую околесицу. Мо Ханьчжоу вздохнул: жизнь — штука сложная, посмотрите, до чего довели здорового и жизнерадостного юношу!

— Встретив такого человека, первым делом подави его своим авторитетом. Если не получается — дави властью. Например, скажи, что ты — супруг Мо Ханьчжоу. Пусть говорит по существу, а если сказать нечего — пусть катится. А если чем-то недоволен, пусть идет прямиком в штаб-квартиру корпорации Мо и предъявляет претензии мне.

Лу Цяо округлил глаза и принялся восторженно хлопать в ладоши:

— Здорово!

Он искренне похвалил супруга:

— Не зря я вышел замуж за такого красивого, богатого и любящего мужа!

— Ну раз теперь ты знаешь, как быть, может, отблаговаришь своего хорошего мужа?

— Конечно! — громко ответил Лу Цяо. — Муж, давай сегодня вечером займемся продолжением рода? Я буду очень стараться, чтобы тебе понравилось.

Он произнес это с самым невинным выражением лица. Предложение было крайне заманчивым, однако:

— Нет, сегодня уже слишком поздно. Это вредно для здоровья, тебе пора спать.

Лу Цяо вздохнул:

— Ну ладно.

Быть послушной «женой» непросто: нужно следить, чтобы не «растратить» жизненные силы мужа.

Боль в «пятой точке» принесла Мо Юньчуну не только физические страдания, но и глубокое чувство унижения, из-за чего следующие несколько дней он старался не попадаться Лу Цяо на глаза.

Лу Цяо чудесно провел время в приюте в компании других дам. Уходя, дети держали его за руки и называли старшим братом.

Госпожа мягко посмотрела на него:

— Ты очень нравишься детям.

Лу Цяо скромно ответил:

— Это дети почувствовали вашу доброту, госпожа.

Разве мог он признаться, что это потому, что он рассказывал им старые сказки, а дети вошли во вкус и теперь требуют продолжения?

Выходные прошли, Лу Цяо вернулся к работе, и в четверг Мо Юньчун, наконец, преодолел внутренний барьер и снова объявился. В понедельник, около двух часов дня, когда Лу Цяо уже клевал носом в своем кабинете, в дверь постучали.

Лу Цяо немедленно выпрямился.

— Войдите.

Сотрудник отдела мероприятий Сяо Чжан заглянул внутрь:

— Босс, там к вам пришел господин по фамилии Мо.

Лу Цяо прошел в комнату отдыха и, ничуть не удивившись, увидел лицо Мо Юньчуна, который

явно считал себя неотразимым красавцем. Как говорится, на красавца через три дня смотреть надоест, а к некрасивому — привыкнешь. Сейчас же, глядя на это лицо, Лу Цяо сохранял полное спокойствие.

Мо Юньчун, одарив его глубоким, чувственным взглядом, подошел ближе:

— Господин Лу.

Он многозначительно покосился на человека за спиной Лу Цяо и, словно избегая лишних глаз, понизил голос, стараясь придать ему томные нотки:

— Давно не виделись.

Кому он строит глазки? Неужели он думает, что его манерность недостаточно двусмысленна?

— Давно не виделись, господин Мо.

Лу Цяо выпроводил Сяо Чжана, широко распахнул глаза и с ноткой искренней тревоги посмотрел на гостя:

— Господин Мо, как ваши раны? Ну, там... на пятой точке?

Красивое лицо Мо Юньчуна мгновенно застыло. Лу Цяо, не заметив перемены, продолжал с неподдельной заботой:

— В тот день вам, должно быть, было очень больно, я слышал такой хруст, вы так кричали... Сейчас уже всё прошло?

— Прошло! — Мо Юньчун поспешно оборвал его проявления заботы и, натянуто улыбаясь, процедил: — Я в полном порядке, давай больше не будем об этом.

— Оу, — Лу Цяо понимающе кивнул и виновато добавил: — Простите за тот день. Вы так сильно пострадали, я не должен был убегать, но...

Лу Цяо раз за разом ковырял его рану, и Мо Юньчун не выдержал:

— Я сказал — не надо об этом говорить!

Он тут же пожалел о своем крике, увидев, что Лу Цяо испуганно вжался в кресло.

— Нет, я не то имел в виду...

Мо Юньчун терзался раскаянием, но Лу Цяо, как всегда, оказался понимающим и уже нашел для него оправдание. Он прикусил губу и виновато произнес:

— Простите, это я во всем виноват. Должно быть, вам было очень стыдно, а я постоянно напоминаю об этом. Вы, конечно же, разозлились.

Если знаешь, что это стыдно, так молчи об этом! Мо Юньчун почувствовал, как на лбу вздулась вена. Глубоко вдохнув, он кое-как взял себя в руки и «улыбнулся»:

— Ничего страшного. Ты прав, давай просто забудем об этом.

— Хорошо, — послушно кивнул Лу Цяо, а затем спросил: — Так зачем вы сегодня пришли?

Да зачем — просто решил прийти и поприставать к жене брата, как последний негодяй. Но после такого разговора атмосфера для флирта была безнадежно испорчена, да и сам Мо Юньчун был слишком зол, чтобы играть в любовника. Он с трудом выдавил:

— Пришел навестить тебя.

— Ну, навестили, и хватит. Я на работе, мне нужно возвращаться к делам. Вы тоже займитесь работой, хорошо? — он помолчал и добавил: — Кстати, а у вас есть работа?

Мо Юньчун в ярости рявкнул:

— Конечно, есть!

— Тогда работайте усердно, — Лу Цяо ободряюще посмотрел на него. — Неважно, кто вы и откуда, работу нужно выполнять хорошо. Удачи! — он сделал энергичный жест рукой и развернулся, чтобы уйти.

Мо Юньчун хотел его окликнуть, но не нашел слов. Проводив Лу Цяо взглядом, он с силой пнул стул:

— Черт возьми!

Уйдя от Лу Цяо, Мо Юньчун кипел от злости. Тот не сделал ничего предосудительного, но умудрялся вывести его из себя. Смешав в кучу позор и сегодняшнее раздражение, Мо Юньчун в ярости взъерошил волосы и поехал в бар.

Он часто там бывал, да и владелец бара был его приятелем. Несмотря на то, что был день, в заведении сидело несколько бездельников. Он привычно занял место у стойки, выпил пару бокалов, и рядом тут же под села сексапильная красотка. Мо Юньчун, пытаясь сбросить напряжение, решил завести знакомство.

Алкоголь сделал свое дело, и вскоре они уже вовсю флиртовали, а затем направились в ближайший отель. Мо Юньчун первым пошел в душ. Он надеялся на совместное купание, но спутница отказалась. У каждого свои принципы, и он не стал настаивать — в конце концов, впереди была целая ночь.

В душе Мо Юньчун немного успокоился. Вот она — нормальная жизнь! А всё, что случилось после встречи с Лу Цяо — сплошное дерьмо!

Минут через пятнадцать он вышел, обернувшись полотенцем. Женщина присвистнула и игриво провела пальцем по его подбородку. Мо Юньчун улыбнулся, глядя на её стройную спину, и почувствовал, как кровь приливает к низу живота.

Она была в душе уже минут пятнадцать, и Мо Юньчун начал терять терпение. В этот момент в дверь постучали.

— Кто там? — крикнул он.

Он открыл дверь, и в номер ворвались полицейские:

— Полицейская проверка! Поступил сигнал, что здесь занимаются незаконной проституцией!

— Что? Кто это сказал?!

Полицейские скрутили его. Мо Юньчун, судорожно прикрывая полотенцем причинное место, завопил:

— Я ни при чем! Мы с девушкой просто сняли номер, вы всё перепутали!

В этот момент из ванной вышла спутница — на ней был лишь халат, распахнутый на груди. Увидев полицию, она закричала:

— Простите, я больше не буду, это он меня заставил!

— Нет... — Мо Юньчун ошеломлен. — Ты что несешь, дрянь?!

— Товарищ полицейский, я правда не хотела, я оступилась один раз, это он обещал мне кучу

денег...

— Хватит, замолчите! Всех в участок!

Такие громкие облавы всегда привлекали зевак. Когда его выводили из отеля, люди в холле начали тыкать пальцами и громко обсуждать происходящее. Мо Юньчун покраснел до корней волос и закрыл лицо руками, радуясь, что никто его не узнает.

Юй Цзядун, смешавшись с толпой, позвонил Лу Цяо:

— Его забрали.

В галерее Лу Цяо как раз собирался уходить. Он скучающе вертел в руках ключи:

— За проституцию дадут дней десять, скоро выйдет. Нет ли способа решить проблему раз и навсегда? — он включил воображение: — Например, пьяным выйти на дорогу, попасть в разборки банд и случайно получить ножевое ранение. Или, скажем, та девушка, с которой он флиртовал, окажется родственницей какого-нибудь влиятельного человека, которому он не понравится, и тот решит его проучить...

Он говорил это таким невинным тоном, что Юй Цзядуна пробрала дрожь. Ему показалось, что Лу Цяо не просто рассуждает, а уже составляет план действий.

Спустя долгое время он смог лишь выдать:

— Власти Пинчэна в последние годы активно борются с пороком, на улицах уже не осталось бандитских группировок.

Лу Цяо вздохнул:

— Вижу.

Он не мог точно сказать, что его раздражает больше: навязчивость Мо Юньчуна или то, что тот постоянно оскорбляет Мо Ханьчжоу. Но одно он знал точно — при виде этого самодовольного лица ему нестерпимо хотелось ударить его.

Ладно, если Мо Юньчун продолжит в том же духе, придется, в крайнем случае, просто сломать ему ноги.

Лу Цяо быстро выбросил Мо Юньчуна из головы. В конце концов, главное в жизни — наслаждаться ею, а не заикливаться на куче дерьма, попавшейся на пути.

В тусклом свете фонарей, под блеклыми звездами, мужчина, кутаясь в куртку, дрожащей походкой вышел из ворот полицейского участка. Когда он попал в освещенную зону, стало ясно — это Мо Юньчун, который должен был провести там не меньше десяти дней.

Он, весь дрожа, подошел к черному автомобилю. Только он открыл дверь, как помощник, сидевший внутри, холодно произнес:

— Господин Юэ приказал тебе противостоять Мо Ханьчжоу, а не позориться на каждом шагу!

Мо Юньчун, измученный за этот день, взвизгнул:

— Откуда я знал, что она проститутка? И кто из них признается в этом сразу!

— Замолчи! Тебе еще недостаточно позора?

Помощник с презрением посмотрел на мужчину. Господин Юэ связался с этим никчемным бастардом только ради того, чтобы насолить Мо Ханьчжоу. Кто же знал, что тот не только ничего не добьется, но и создаст столько проблем.

— Что дальше? Если ты не покажешь результат, господин Юэ прекратит финансовую поддержку.

В глазах Мо Юньчуна мелькнул страх, но он стиснул зубы:

— Не волнуйтесь, я заставлю Мо Ханьчжоу познать горечь предательства.

Он уже столько раз давал Лу Цяо шанс, но раз тот не ценит доброту, не стоит винить его в жестокости.

В один солнечный день стеклянная крыша оранжереи защищала от холодного ветра, а внутри, залитой золотым светом, было по-весеннему тепло. Лу Цяо лежал на коленях у Мо Ханьчжоу, ластясь к нему.

— Здесь я нарисую голову господина, это его машина, а тут — помощник Фан... А потом —

вжух, вжух!

Лу Цяо увлеченно рисовал на белом листе, что-то нашептывая себе под нос. Мо Ханьчжоу слушал, как он переносит на бумагу всех знакомых, и в конце концов любопытство взяло верх — он взглянул на рисунок.

Взглянул и глубоко вздохнул.

Лу Цяо, чутко уловивший этот вздох, резко поднял голову, глядя на него с вызовом:

— Некрасиво?

— Нет, просто жаль, что Пикассо умер так рано. Если бы он увидел тебя, то был бы счастлив, что у него есть достойный преемник. И умер бы со спокойной душой.

— Правда? — радостно спросил Лу Цяо. Он перевернулся, положил голову на колени к Мо Ханьчжоу и, подставив лицо солнцу, принялся с любовью разглядывать свое «произведение искусства».

Его наивный вид напомнил Мо Ханьчжоу персонажа одного мультфильма, который он видел в гостях у родственников. Он ущипнул Лу Цяо за кончик носа и ласково сказал:

— Глупый поросенок.

— Какой еще глупый поросенок? — обиженно протянул Лу Цяо. — Господин, вы что, спутали меня с кем-то? Я что, замена кому-то другому?

— Какой сериал ты смотрел в последнее время?

Мо Ханьчжоу не знал, смеяться или плакать. Он считал себя рассудительным и серьезным, а его молодая жена оказалась такой глупышкой. Неужели правда, что противоположности притягиваются, и ему суждено быть околдованным этим маленьким дурачком?

Он обнял Лу Цяо за талию и приподнял, наслаждаясь тихим послеобеденным отдыхом.

— Ты, до свадьбы выглядел таким умным. Даже умел мне угождать.

В первую же встречу он сел рядом и начал подкладывать ему еду, даже Лу Гоань был ошарашен.

— Это потому что мы еще не были женаты, и я старался придумать способ, как вас охмурить! —

с самым серьезным видом заявил он.

— Ах ты, значит, до свадьбы всё было ложью?

— Не совсем, — Лу Цяо хитро прищурился, подался вперед и легко чмокнул Мо Ханьчжоу в губы.

Его голос прозвучал мягко и нежно:

— По крайней мере, то, что я люблю господина — правда. Я любил вас до свадьбы, и сейчас люблю.

Мо Ханьчжоу вздохнул:

— Опять ты дуришь мужчину.

Лу Цяо: «...»

Раньше выходные Мо Ханьчжоу всегда проходили за работой. Выпить горького кофе на террасе, просматривая отчеты, было для него пределом удовольствия. Но с появлением Лу Цяо всё изменилось.

Остальные домочадцы относились к Мо Ханьчжоу с уважением или страхом, исполняя каждое его слово. Лу Цяо был другим. Юридически они были равны, а в жизни... Лу Цяо выглядел покладистым, но на деле в его голове порой не хватало пары винтиков.

Он постоянно вис на шее у мужа, а по выходным, шлепая тапочками в виде кроликов, врывается в кабинет, прыгал и шумел. Сначала дворецкий пытался делать ему замечания, но Лу Цяо успокаивался лишь на минуту. Мо Ханьчжоу наблюдал, как тот жарит мясо во дворе, ест сладости, копается в земле, и весь дом, казалось, начал вращаться вокруг него одного.

Что делать? Не можешь победить — присоединяйся.

Мо Ханьчжоу пофлиртовал с женой на террасе, позволил себе расслабиться за обедом, а после обеда, под ярким солнцем, они вместе вздремнули. Когда Мо Ханьчжоу проснулся, он увидел, что Лу Цяо лежит на другом конце кровати, задрав попу, в наушниках и с головой ушел в просмотр сериала.

На нем был хлопковый пижамный костюм, мягкий и удобный. У парня была стройная фигура и гибкие конечности, его животик глубоко утопал в белоснежной простыне, а край пижамы задрался, обнажая полоску нежной кожи, почти сливавшейся с бельем. Длинные гладкие ноги были вытянуты, пальцы слегка поджаты, а ступни отливали нежно-розовым.

Раньше Мо Ханьчжоу видел в нем лишь ребенка, но сейчас вдруг осознал, что действительно женился на прелестной молодой жене.

— Что смотришь?

Голос Мо Ханьчжоу после сна звучал хрипло. Лу Цяо обернулся, его круглое лицо озарила невинная улыбка, а после сна он выглядел особенно мило.

— Сериал. Главный герой — пианист, вернувшийся из-за границы, он играет просто потрясающе.

— Насколько потрясающе? — Мо Ханьчжоу решил поддразнить его. — Лучше, чем твой муж?

Лу Цяо, разумеется, покраснел и прошептал:

— Конечно, муж играет лучше.

Мо Ханьчжоу остался доволен.

— Но главный герой тоже хорош.

— ...

Уровень удовлетворенности: -1.

После пробуждения Лу Цяо не забыл об этом. Вслед за рисованием у него проснулся жгучий интерес к игре на пианино. В доме был инструмент, Мо Ханьчжоу раньше иногда играл, но после аварии потерял интерес, и пианино было заперто. Но раз уж госпожа хочет — конечно, его достали.

Лу Цяо возбужденно кружил вокруг инструмента:

— Господин, смотрите, я сыграю для вас!

Мо Ханьчжоу сидел в полосе солнечного света, падающего из высокого окна, с пледом на коленях, и с легкой улыбкой наблюдал за женой.

— Ты умеешь играть на пианино?

— Я учился, не волнуйся, — Лу Цяо, опираясь на воспоминания двух жизней, ударил себя в

грудь. — Я точно умею... наверное?

На мгновение его лицо застыло.

Мо Ханьчжоу: «...» А точно ли умеет?

Однако его сомнения длились недолго, так как вскоре он оценил мастерство Лу Цяо.

Как только раздался первый звук, слуги изменились в лице; на втором звуке они уже начали пятиться к выходу. Когда из-под его пальцев вырвался поток звуков, напоминающих вой призраков, разрезавший яркий солнечный свет, все под благовидными предложениями поспешили удалиться. Их лица были настолько серьезными, что это выглядело даже убедительнее, чем оправдания подчиненных Мо Ханьчжоу, когда те не могли сдать работу в срок.

Тем не менее, Мо Ханьчжоу исполнил свой супружеский долг, не дрогнув лицом — на самом деле он боялся, что если хоть один мускул на лице дернется, он не сможет сохранить невозмутимость. Он дослушал этот «шедевр», и когда Лу Цяо сделал паузу, решительно остановил его.

— На этом закончим. Если продолжишь играть, соседи решат, что старая психологическая травма ног снова атаковала меня, и, чего доброго, разнесут эту новость по всему финансовому району.

Он добавил вежливо:

— Это может вызвать экономический кризис.

Лу Цяо: «...»

Лу Цяо ходил подавленным весь вечер. Мо Ханьчжоу ничего не мог с этим поделать — рисование вредило только его глазам, и это можно было перетерпеть, просто закрыв их и расточая похвалы. Но уши есть у всех, и он не мог кривить душой.

Даже за ужином Лу Цяо был не в духе. Это была настоящая трагедия — он был так расстроен, что не мог есть.

Мо Ханьчжоу взял его лицо в ладони и повернул к себе:

— Всё еще злишься?

В чистых глазах мальчика быстро скопились слезы, и одна круглая капля скатилась по щеке. Сердце Мо Ханьчжоу сжалось.

— Что случилось? Неужели ты правда...

— Главные герои так сильно любили друг друга, почему они не могли быть вместе? — всхлипывая, проговорил мальчик. — Только потому, что они брат и сестра? Ну и что с того? Подумаешь, брат и сестра! Разве нельзя было просто не заводить детей?

Мо Ханьчжоу с безразличным лицом опустил руки. Опять он принял всё на свой счет.

Мо Ханьчжоу провел довольно приятные выходные. В понедельник, после утреннего совещания, он окликнул Фан Чжунбая, который уже собирался уходить.

— Помнится, на прошлой неделе присылали приглашение на концерт.

Фан Чжунбай быстро кивнул:

— Да, это концерт всемирно известного мастера Пола Висса.

— Пришли мне два приглашения и освободи время на тот вечер.

— Слушаюсь.

Фан Чжунбай действовал быстро и тут же отправил электронные приглашения и материалы. Мо Ханьчжоу не стал сразу их открывать и переслал Лу Цяо только во время обеденного перерыва.

В это время Лу Цяо клевал носом за столом. У него было настроено специальное уведомление для Мо Ханьчжоу, и при получении сообщения телефон ярко засветился.

Лу Цяо открыл сообщение:

□Любимый_муж: [Изображение][Изображение]□

□Любимый_муж: Всемирно известный музыкант, куда более знаменитый, чем твой «брат» из сериала. Хочешь сходить на его концерт?□

Глаза Лу Цяо загорелись:

□Лу Цяо: Пойдем, конечно, пойдем!□

Мо Ханьчжоу, глядя на его ответ, улыбнулся и отложил телефон.

Концерт был в среду вечером, и Лу Цяо ждал его с понедельника. В среду он нарядился как маленький принц.

— Иди сюда.

Мо Ханьчжоу протянул руку, и Лу Цяо послушно подошел. Мо Ханьчжоу поправил ему воротник:

— Вечером я заеду за тобой, сначала поужинаем.

— Угу.

Вечер наступил. После работы они вместе поужинали в ресторане рядом с концертным залом, а затем отправились в арт-центр. Фан Чжунбай подготовил для них VIP-места на втором этаже. В последние годы Мо Ханьчжоу из-за здоровья вел крайне закрытый образ жизни, но это не мешало его статусу в высшем обществе Пинчэна, а наоборот, делало его еще более приметным.

Едва он поднялся наверх, как его узнали. Кто-то хотел подойти поздороваться, но помощник Мо Ханьчжоу преградил им путь. Мо Ханьчжоу с легкой, приятной улыбкой прошел мимо, не глядя на них, и вместе с Лу Цяо направился прямо к своим местам.

Когда Лу Цяо сел, то заметил, что соседние места пустуют, а затем их заняли охранники. Мо Ханьчжоу с самого начала был к нему очень снисходителен, из-за чего Лу Цяо часто забывал, кто он такой. Только сейчас он смутно ощутил разницу.

«...» Впрочем, никакой особой разницы, кроме того, что он — его муж.

Концерт начался. Слушать музыку вживую и через сжатый аудиофайл — это разные вещи. И музыка в исполнении мастера — это совсем не то же самое, что произведения обычных композиторов. За две жизни Лу Цяо еще никогда не испытывал ничего подобного — он мог так прямо и откровенно чувствовать музыку, подобную бушующему шторму.

То она была приятной, как весенний ручей, то заставляла сердце дрожать, словно при землетрясении. Он то летел на крыльях ветра, то дрожал, раздираемый яростным ураганом.

Духовые инструменты звучат ярко и глубоко, струнные — изящно и широко, а легкий ветерок и дрожь пола, вызванные резонансом инструментов, — это то, что по-настоящему могут почувствовать лишь те, кто находится в самом зале.

После концерта Лу Цяо ощутил, словно прожил целую смену времен года: на душе было легко, а сердце переполняла полнота чувств.

Когда музыка стихла, зал взорвался аплодисментами.

Лу Цяо тоже захлопал и, не скрывая восторга, произнес:

— Господин, давайте в следующий раз снова придем на концерт.

Мо Ханьчжоу улыбнулся:

— Конечно.

После концерта состоялся торжественный прием, куда могли попасть лишь немногие обладатели приглашений. Организаторы заранее узнали, что Мо Ханьчжоу придет со своим супругом, поэтому, как только пара вошла в зал, агент Пола Висса в Китае тут же подвел к ним самого маэстро.

На лице Мо Ханьчжоу играла вежливая, но отстраненная улыбка. Пожав руку Полу Виссу, он заговорил по-английски:

— Ваше исполнение было невероятно трогательным. Мы с моим супругом под большим впечатлением.

Пол Висса, высокий, статный мужчина в черном костюме, излучал уверенность и зрелый шарм успешного человека. Он с достоинством ответил:

— Благодарю вас и вашего супруга за теплые слова. Я буду и дальше неустанно искать новые пути в музыке.

Мо Ханьчжоу повернулся к Лу Цяо и перешел на китайский:

— А-Цяо, ты хочешь что-нибудь сказать мастеру?

Пол Висса только сейчас обратил внимание на юношу рядом с ним.

Ранее агент предупреждал его, что на ужин придет известный местный магнат со своим супругом, и особо отметил, что этот супруг — мужчина.

Однако стоявший перед ним юноша выглядел необычайно утонченным и красивым. В каждом его жесте чувствовалось блестящее воспитание; он казался таким невинным и чистым, что больше походил на драгоценность, спрятанную могущественным человеком, чем на обычного партнера.

В этот момент многие в зале уже заметили общение главного героя вечера с легендарной фигурой бизнеса из Пинчэна, и их взгляды невольно приковались к этой группе.

Лу Цяо слегка повел носом, повернулся к музыканту и с той же сладкой улыбкой, непринужденным тоном произнес:

— Господин Висса, ваше исполнение заставило мою душу дрожать. Это самое великолепное выступление, которое мне доводилось слышать.

— С нетерпением жду ваших новых работ.

Он говорил на нидерландском.

Пол опешил. Он был бельгийцем, а в Бельгии государственными языками являются нидерландский, французский и немецкий, причем в его родных краях преобладал именно нидерландский. На подобные мероприятия обычно ходят представители элиты, знающие несколько языков, так что владение иностранными наречиями никого не удивляло.

Тот же Мо Ханьчжоу свободно общался с ним на английском, а кто-то более чопорный мог бы использовать немецкий или французский, чтобы подчеркнуть свое уважение. Но встретить того, кто заговорит на нидерландском — языке куда менее популярном, — было редкостью. Впервые с момента прибытия в Китай он встретил человека, знающего этот язык.

Пока Пол пребывал в изумлении, Лу Цяо не придавал этому значения. В месте, где он жил раньше, собирались таланты со всего мира, и там никогда не было дискриминации по полу, расе или даже виду. Бельгийцев и голландцев он в свое время встречал сотнями.

Завершив светскую беседу, Лу Цяо попросил у Пола Висса автограф. Когда они отошли в сторону, Мо Ханьчжоу многозначительно посмотрел на супруга:

— А госпожа Мо умеет скрывать свои таланты.

Госпожа Мо, не размыкая губ в улыбке, чопорно и добродетельно ответила:

— Все ради репутации господина Мо.

— Хм, госпожа Мо весьма старательна.

На приеме было немало знаменитостей, но Мо Ханьчжоу оставался самой влиятельной фигурой. К нему постоянно подходили люди: если Мо Ханьчжоу был заинтересован, он перебрасывался парой слов, если нет — отделивался короткими фразами, и никто не осмеливался обижаться, все благоразумно отступали.

После нескольких таких подходов Мо Ханьчжоу стало скучно. Оглянувшись, он увидел, что его супруг спрятался в углу под лестницей и грызет пирожное.

Он выглядел таким беззаботным, словно маленький хомячок, укрывшийся в своей норке.

Мо Ханьчжоу отпустил ассистента и с улыбкой подошел к нему:

— У госпожи Мо отличный вкус: ест пирожные в одиночестве, бросив мужа на произвол судьбы.

Лу Цяо, осознав свою вину, захлопал ресницами и покорно протянул еще не тронутое каштановое пирожное:

— Муж, угощайся.

Мо Ханьчжоу счел, что его задобрили. Они наслаждались уединением в углу, не подозревая, что в зал вошел кое-кто еще, пока тишину не прервал голос:

— Брат, разве это не мой брат и невестка?

С приближением мужчины лицо Мо Ханьчжоу заметно помрачнело.

Лу Цяо отставил тарелку и обернулся. Увидев мужчину в безупречном костюме, он про себя вздохнул: хорошо быть богатым и влиятельным.

Так быстро вышел на свободу.

Мо Юньчун уже подошел к ним вплотную:

— У брата отличное настроение, раз вышел повеселиться поздним вечером, да и невестка тоже...

Мужчина медленно растянул губы в злобной усмешке и, пристально глядя на Лу Цяо, многозначительно добавил:

— Давно не виделись, невестка. А, хотя, всего неделю, верно?

Сердце Лу Цяо ушло в пятки.

Мо Ханьчжоу перевел взгляд с одного на другого, его глаза потемнели, а голос стал холодным:

— Вы знакомы?

Мо Юньчун опередил всех:

— Знакомы, и не раз. Встречались в чайной, на прошлой неделе в галерее, но если говорить о нашей первой встрече, то это был день вашей с братом свадьбы.

— Ну же, невестка, расскажи брату о том, как мы встретились в комнате наверху в день свадьбы.

Эти слова, пропитанные ядовитым холодом, вмиг повисли в воздухе.

Ассистент Мо Ханьчжоу, заметив, что кто-то приближается к боссу и его супругу, хотел было вмешаться, но, услышав сказанное, замер на месте.

Воздух в углу под лестницей словно вырезали из общего пространства, превратив в изолированную камеру. Дышать стало тяжело, каждый вдох отдавался болью, словно в легкие вонзались лезвия.

Лу Цяо выглядел растерянным, на лице читались беспомощность и испуг, а челюсть Мо Ханьчжоу сжалась так сильно, что пальцы, лежавшие на подлокотниках инвалидного кресла, побелели.

Мо Юньчун ликовал.

Лу Цяо резко опустил голову:

— Господин, простите...

Мо Юньчун расплылся в улыбке. Как же это хорошо! Вот оно, возмездие, которое, по его мнению, заслужил Мо Ханьчжоу. Почему он должен возвышаться над всеми, почему ему достались все блага и такая красавица рядом? Почему...

Глаза Лу Цяо слегка покраснели, голос дрогнул:

— Господин, правда, простите меня. Но я так боялся, что вы бросите меня, чтобы спасти его. Как-никак, он ваш брат. Хотя мне, если честно, все равно, жив он или нет, но вы, господин, такой добрый... Я испугался, что вы не выдержите, если увидите, как его бьют...

Мо Юньчун, наслаждавшийся своими фантазиями, опешил от слов Лу Цяо и в гневе уставился на него:

— Что ты несешь?!

— А что я такого сказала? — Лу Цяо не испугался. Он широко раскрытыми глазами уставился на Мо Юньчуна с видом человека, которому уже нечего терять. — В тот день я видела, как тебя затащили в угол и избивали. Ты выглядел очень жалко. Хотя... хоть ты и был немного жалок, но если бы я позвала господина спасти тебя, наша свадьба могла бы сорваться.

Лу Цяо, шмыгая носом, обиженно и виновато добавил:

— Я знаю, что я злая, мелочная, эгоистичная и совсем не добрая. Но что поделать? В конце концов, по сравнению с нашей свадьбой, жизнь этого человека мне была совершенно не важна.

— Но господин ведь наверняка думает иначе? Вы ведь такой добрый, господин.

<http://bllate.org/book/19167/1882001>